

Калита
Илья

Дезертир
категории «Ф»

Странник

1-й оператор корабля категории «Ф»

Кайл Ворн

18+

Илья Калита

Дезертир категории "Ф"

«Автор»

2026

Калита И. В.

Дезертир категории "Ф" / И. В. Калита — «Автор», 2026

Кайл Ворн — оператор-одиночка космического корабля "Странник", потерявший семью из-за корпорации. Лиана Солис — загадочная женщина с тайной. Вместе они грабят продажного сенатора и бегут от системы, которая не прощает долгов. Впереди — планета-арена, где смерть продаётся как шоу. Анонимный банк «Нуллис». Предатель в команде. И охота, которая не закончится, пока они не найдут свой новый дом.

© Калита И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Илья Калита

Дезертир категории "Ф"

Глава 1

Дезертир категории «Ф»

Глава 1. Пробуждение

Кайл Ворн спал в привычной тишине своей каюты грузового транспортного корабля «Странник» корпорации «Триумвират», типичной рабочей лошадки космоса. Это неповоротливое судно тяжёлого класса было лишено изящества роскошных кораблей. Его обтекаемый корпус был испещрён шрамами микрометеоритов и следами многочисленных ремонтов в доках. Внутри корабля находились лабиринты технических отсеков, грузовых трюмов и узких служебных коридоров, где каждый сантиметр пространства был подчинён логике эффективности. Главной гордостью «Странника» был надёжный, хоть и старый, двигатель, позволявший тащить тысячи тонн груза в космосе словно солому. А мощная система жизнеобеспечения создавала ту самую спасительную тишину, в которой так спокойно спал единственный член команды корабля.

Кайл привык к одиночеству, он выковал его в свой главный инструмент. На этом корабле не было второго оператора, сменного инженера и других членов команды. Кайл предпочитал работать один. Только он, панели управления и бескрайнее звёздное полотно за иллюминатором. Мысль о том, что он несёт ответственность за огромную машину в одиночку, вдохновляла его. Каждое его действие здесь было последним словом, каждый просчёт, приговором и наказанием.

Кайл полюбил эту пустоту после того дня, когда взрыв межпланетного лайнера выжег из его жизни всё, что было ему дорого, и забрал Викторину — жену, сына Питера и дочь Анеон, оставив после себя лишь горький пепел воспоминаний и гулкую тишину, поселившуюся в груди. Он помнил, как стоял у холодного стекла иллюминатора станции «Свод», сжимая переносицу пальцами, и смотрел на пассажирский лайнер, отстыковывающийся от посадочной платформы и медленно, словно нехотя, направляющийся к точке совершения прыжка к Земле. Но прибыть в пункт назначения ему было не суждено. Ослепительная вспышка осветила космос, одновременно убивая его семью и его жизнь. С тех пор Кайл предпочитал компанию звёзд и одиночество. В своём кресле, среди тусклых огней приборных панелей, он был королём этого маленького технологического мира.

Сквозь дремоту к нему приходили они. Виктория с её тихим голосом, рассыпающимся серебряными искрами в свете домашней лампы, и Питер с Анеон, с их звонкими голосами. В этих снах был только уютный, забытый мир, где Кайл был по-настоящему счастлив. Он слышал топот маленьких ног, чувствовал тепло ладони жены в своей руке и позволял себе верить, что этот покой вечен.

Ненависть Кайла к корпорации «Триумвират» не была похожа на пожар. Она была куда страшнее. Это было то чувство, которое не кричит, а съедает изнутри, превращая человека в ходячий маятник между прошлым и настоящим, где каждый удар сердца отдаётся эхом неправимой ошибки.

Кайл часто прокручивал в памяти тот день, пытаясь найти в нём хоть какую-то логику, хоть какое-то оправдание слепому послушанию. Однако ему открывалась лишь пугающая нелепица того рокового и абсурдного приказа какого-то безликого начальника корпорации, в

котором от него требовалось по собственной инициативе досрочно явиться из отпуска и осуществить доставку партии урановой руды на переработку.

Руда... что ей сделается? Она могла пролежать в герметичных контейнерах дни и недели. Из неё сделали оружие рано или поздно, которое на день раньше или на два позже нашло бы свою цель и разрушило её, убив людей. Никакой стратегической катастрофы не случилось бы от того, что «Странник» задержался бы на рудодобывающем заводе на каких-то жалких два-три дня, а он смог бы отвести домой семью на своём корабле.

Но «Триумвират» не терпел неподчинения. Безликая машина, сотканная из уставов и приказов, рявкнула своим железным голосом: «Выполнять». И Кайл, воспитанный в этом мире как послушный винтик, как шестерёнка в чужом механизме, не посмел возразить. Он не нашёл в себе сил сказать «нет», не нашёл мужества сослаться на мнимую неисправность, не придумал благовидного предлога, чтобы выиграть те самые драгоценные часы, которые разделили его жизнь на «до» и «после».

Мысль о том, что приказ не стоил ровным счётом ничего, была самой мучительной. Это не была жертва во имя великой цели, не было вынужденным злом ради спасения большего числа жизней. Это было просто... подчинение. Глупое, бессмысленное подчинение автоматизму, вбитому в подкорку годами работы на корпорацию.

Ненависть Кайла к «Триумвирату» была холодной и чистой, как вакуум за бортом, но глубже этой ненависти сидела другая, куда более страшная: ненависть к себе, к тому Кайлу, который тогда позволил себе думать, что у него ещё будет время. Времени не осталось. Осталась лишь тишина «Странника», гул двигателей и бесконечная череда рейсов, где каждый следующий день был лишь эхом того единственного, непрощённого дня.

Теперь, засыпая под гул двигателей и реактора, он каждый раз возвращался в тот сон, где они были живы. Где он не променял их на тонны никчёмной руды. Где он был не оператором-одиночкой, выполняющим волю корпорации, а просто мужем и отцом, который успел вовремя.

Сквозь тонкую ткань сна Кайл ощутил, как корпус корабля содрогнулся, как будто зацепился бортом за что-то огромное. Тишину мгновенно разорвал пронзительный, многотонный вой сирены — режущий слух, словно лезвие, скользящее по стали. Кайл распахнул глаза. Сердце бешено стучало, в висках пульсировала тяжёлая волна, а в глаза ударил тусклый свет аварийных ламп.

— Кайл, срочно в рубку. — Голос искусственного интеллекта корабля Юпитера был ровным, но требовательным.

Кайл вскочил, мельком увидев себя в зеркале, мужчину лет тридцати с короткими тёмными волосами и лёгкой щетиной, с резкими чертами лица и морщинами у глаз, с глубоким взглядом карих глаз, с широкими плечами и прямой осанкой.

Он быстро оделся в чёрный лётный комбинезон, на правой груди которого виднелась нашивка с изображением эмблемы корабля «Странник», а на левой груди красовалась надпись «1-й оператор корабля категории «Ф» Кайл Ворн». И побежал по коридору стуча ботинками по металлу пола.

Кайл ворвался в рубку, и красный свет, исходящий от кнопок тумблеров, превратил привычное рабочее пространство в нечто потустороннее. Панель управления «Странника» пылала, как раскалённая домна, в которой бушевало пламя. Индикаторы мигали, перемигивались, наслаивались друг на друга, создавая причудливые, почти гипнотические узоры, которые танцевали в такт бешеному пульсу корабельного компьютера. Красный цвет был везде — он струился по экранам, отражаясь в зеркальной поверхности стен.

Кайл смотрел на эту какофонию света и не мог отделаться от странного, болезненного ощущения, что всё это уже было. Эти мигающие огни, напоминающие гирлянды, которые он когда-то вешал на ёлку в далёком детстве, теперь выглядели как насмешка судьбы. Только

вместо праздничного веселья они несли угрозу. Десятки предупреждений кричали с панели: «Ошибка!», «Отказ!», «Критический уровень!», и каждое из них было как удар колокола, как отчаянный зов о помощи, который никто не услышит в этой бесконечной, равнодушной черноте.

Огни мигали вразнобой, создавая тот самый хаотичный, почти безумный ритм, который бывает у кораблей перед самой гибелью. Одни индикаторы горели ровно, наливаясь густым, кровавым светом, другие дрожали мелкой, судорожной пульсацией, третьи били яркими, ослепительными вспышками, выхватывая из темноты то лицо Кайла, то его руки.

Кайл перевёл взгляд на главный экран, и там тоже полыхала алая надпись: «АВАРИЙНАЯ ОСТАНОВКА ДВИГАТЕЛЯ». Красные буквы дрожали, словно их писала дрожащая рука, и в этом дрожании было что-то почти человеческое, почти живое.

Где-то внутри, под рёбрами, разливалась липкая, холодная пустота. Каждое мигание красным отдавалось в висках тупой болью, а собственное дыхание казалось чужим, слишком громким, слишком прерывистым. Сердце колотилось где-то в горле, пытаясь выпрыгнуть, вырваться из грудной клетки. А в воздухе летал привкус сгоревшей электроники.

Кайл упал в кресло, пробежал пальцами по консоли, отключая звук.

Красный свет пульсировал в такт умирающему пульсу «Странника», когда голос Юпитера — бесплотный, но почему-то почти живой — разрезал тишину:

— Проблема в основном компьютере. Блок М-3 частично потерял способность обрабатывать данные. Полный отказ, вопрос времени. Физическая замена обязательна.

— Перезагрузить пробовал? — настороженно спросил Кайл.

— Трижды. Бесполезно. Блок виснет, захлёбываясь в обработке данных, — голос Юпитера дрогнул той особенной, пугающей интонацией, которую Кайл ненавидел больше всего, той, что делала машину слишком человеческой. — Я предупреждал о возможных проблемах семьдесят два часа назад. Вы сказали: «Проверю на станции при плановом ремонте».

Кайл потёр лицо, ощущая под пальцами колючую щетину и холодную испарину. Блок М-3 был мозгом, без него «Странник» превращался в саркофаг, а он, в мумию.

— Где мы? — с настороженностью спросил Кайл.

— Контрольные точки потеряны. Мы дрейфуем в неизвестном секторе, — Юпитер выдержал паузу, словно собираясь с мыслями. — Но я идентифицировал звёзды. Ремонтная станция «Химера» в пяти днях крейсерским ходом.

— Прыжок? — не унимался Кайл.

— Блок М-3 захлебнётся. Он умрёт в первое же мгновение перехода, — в голосе Юпитера проскользнула та холодная, безжалостная ясность, которая делала его слова неоспоримыми. — Выбор: либо мы остаёмся здесь, прикованные к этой точке пространства, либо сгораем в попытке вырваться. Я предлагаю крейсерский режим. Я взял ряд функций на себя, но нужно будет вручную переподключить ряд блоков, провести настройку и синхронизацию.

Кайл усмехнулся. Уголки губ дёрнулись в горькой, почти циничной улыбке, которая не коснулась глаз:

— Да-да-да. Сценарий не меняется. — Покачивая головой, произнёс он. — Мы всегда выбираем между смертью сейчас и смертью потом. Только теперь выбора и вовсе нет.

Он медленно поднялся с кресла.

— Веди, — тихо сказал он, обращаясь к тому самому голосу, что был его единственным собеседником в этой танцующей красной темноте. — Покажи, где эта проклятая панель. И молись, чтобы у нас было больше пяти дней.

Юпитер ничего не ответил. Лишь на экране вспыхнула схема внутренних коммуникаций, подсвеченная призрачно-зелёным, прокладывая маршрут через запутанные лабиринты аварийных коридоров. Маршрут к последнему шансу. Маршрут, который мог оборваться в

любой момент, вместе с дыханием старого «Странника» и его единственного, уставшего оператора.

Кайл погрузился в панель: пальцы летали над сенсорами, кнопками переключая схемы, перекраивая логику основного компьютера, вплетая одну цепь в другую так, чтобы система не рухнула под собственной тяжестью. Красный свет мигал в такт его движениям.

Кайл потерял счёт времени. Оно распалось на отдельные мгновения. Кайл жил запахом канифоли, звоном инструмента о металл и мерцанием аварийных огней. Была лишь одна цель, заставить «Странника» дышать. Он размотал километры новых проводов, проложил их по переборкам, как паутину, вплёл в жилы старой системы.

— Кайл, — голос Юпитера ворвался в тишину, ровный, но с той особой напряжённой ноткой, которую Кайл научился распознавать. — Вся электронная цепь теперь проходит через меня. Я контролирую каждый узел, каждый импульс. Мне осталось получить доступ к глобальному потоку данных корабля. Допиши код доступа, и мы сможем двигаться.

Кайл устало плюхнулся в кресло и откинулся на его спинку. Веки тяжелели, руки дрожали от напряжения, а в глазах всё ещё плясали схемы и линии кода, которые он писал уже неизвестно сколько часов.

— Мне надо поспать, — выдохнул он, проведя ладонью по лицу. — Я выдохся. Видят Боги космоса, я сделал всё, что было возможно.

— Кайл, это нужно сделать сейчас. — В голосе Юпитера проскользнула настойчивость. — Иначе всё может закончиться плохо. Я не успею обработать данные в случае полного выхода из строя блока М-3. Нам нужен доступ к этим данным до начала движения к «Химере».

Кайл чувствовал себя выжатым досуха. Внутри него была пустота — не та, космическая, за бортом, а своя, личная, выжженная ремонтом. Он не хотел думать, не хотел принимать решений, не хотел слышать этот голос Юпитера, который всегда оказывался прав. Он хотел одного, провалиться в темноту и забыться, уснуть хотя бы на несколько часов. И это желание было таким острым, таким болезненным, что заглушало даже страх смерти.

— Сколько у меня есть времени? — спросил он, не открывая глаз.

— Не знаю. Стабилизация М-3 неустойчивая. Логические ошибки нарастают. Возможна выдача команд на произвольные включения двигателей. — В голосе Юпитера проскользнула напряжённость.

Кайл усмехнулся и пробормотал:

— Я напишу тебе код для доступа, но, если мы выживем, ты заплатишь мне за двойной паёк на ближайшей станции. И кофе, и виски.

— Записано, — отозвался Юпитер. — Хотя твоя печень не одобрит второй пункт.

— Ладно, давай работать, набор микросхем. — с иронизировал Кайл.

Кайл глубоко вздохнул и начал печатать. Буква за буквой, строка за строкой, как в трансе. Пальцы двигались по клавиатуре сами, словно помнили то, что отказывалась помнить голова.

Когда всё было готово, Кайл нажал «ввод». Система на мгновение замерла, а затем по панели пробежала зелёная волна подтверждения и установления связи в блоках и соблюдения логических цепей.

Кайл выдохнул и через минуту провалился в беспамятство, опустив голову на консоль.

Юпитер снизил громкость сигналов, отключил лишние индикаторы. В рубке стало тихо и почти уютно.

— Доступ получен, — произнёс тихо Юпитер. — Отдыхай, Кайл.

Кайлу снился огромный ангар. Стекланный потолок пропускал бледный свет далёкой звезды, и в этом свете стояли ряды модулей М-3. Десятки. Сотни. Они сияли новизной, пахли пластиком и свежей смазкой, идеальные, красивые, дорогие.

Кайл шёл между ними, касаясь пальцами холодных корпусов, и знал совершенно точно, что каждый из них мёртв. Внутри каждого пряталась микроскопическая трещина, незаметный дефект, который убьёт его через год. Через два. Через три.

— Мы не можем их заменить, — сказал голос за спиной. Кайл обернулся — там стоял один из безликих директоров корпорации «Триумвират». Толстый, лысый, в дорогом костюме. — Это слишком дорого, Кайл. Лучше мы купим новый корабль через пять лет. А эти... — он махнул рукой на ряды модулей, — они ещё послужат. Не все же ломаются.

— Но они бракованные, — возразил Кайл. Собственный голос звучал глухо, как из-под воды. — Они убьют людей.

— Люди умирают каждый день, Кайл. Так бывает.

Стеклянная крыша ангара треснула. По ней побежала паутина, и в эту паутину вплетались лица. Кайл видел пилотов, инженеров, механиков и просто люди. Тех, кого он знал. Тех, кого он потерял. Они смотрели на него молча, особенно его друг Номен.

Модули падали, взрывались, оставляя после себя запах горелой проводки. Кайл побежал, но ноги не слушались, земля уходила из-под ног, и он провалился в чёрную пустоту, где не было ничего, кроме тишины и холода...

Кайл проснулся с криком, который застрял где-то в горле, превратившись в хриплый, рваный выдох. Тело била мелкая дрожь, а сердце колотилось так сильно, что он слышал его гул в висках. Перед глазами всё ещё стояло лицо Номена, искажённое ужасом, бледное, с широко раскрытыми глазами.

Номен погиб на «Лунном беглеце» год назад, когда корабль ушёл в свой последний прыжок и не вернулся. Обломки корабля нашли в секторе В-12. Тридцать семь человек. Тридцать семь жизней, стёртых в пыль за мгновение.

Кайл сжал пальцами подлокотник кресла, пытаясь унять дрожь. Он помнил, как Номен смеялся в тот последний вечер, разговаривая с ним по видео-квантовой связи. Номен был самым близким его другом, который был с ним после гибели семьи. Они вместе летали на «Страннике», Номен был вторым оператором, но чиновники корпорации предложили ему место первого оператора на «Лунном беглеце», и Номен ушёл. Он хотел полетать пару лет и уйти на покой к семье, но ему это было не суждено — блок М-3 сделал своё страшное дело.

Кайл мечтал уничтожить «Триумвират», он стал собирать сведения о его махинациях, но всё это было на уровне слухов, а реальных доказательств не было. Расследования о бракованных блоках М-3 никто не проводил.

И всё это было не случайно. Кайл понял это давно — система выстроена так, что отдельная жизнь простого человека ничего не стоит. Слишком много людей, слишком много звёзд, слишком много кораблей. Гибель одной команды, всего лишь статистическая погрешность. Годовая отчётность.

Когда-то, давно, ещё при постройке кораблей класса «Странник» и им подобных, блоки М-3 делали иначе. Тогда в каждом кристалле, в каждой микросхеме ещё жила душа инженера, который знал, что его работа отвечает за жизнь человека на борту. Те блоки служили десятилетиями, переживая своих создателей и своих владельцев. Их щадящий режим работы, их запас прочности были легендой. Их меняли не потому, что они ломались, а потому, что наступал плановый срок замены, и даже тогда старые экземпляры уходили в утиль с сожалением, как ветераны, заслужившие почётный отдых.

Но те времена канули в лету вместе с последними инженерами, которые помнили, что такое гордость за свою работу. Теперь всё решала экономия. Корпорация «Триумвират» нашла способ удешевить производство. Те же чертежи, те же спецификации, но материалы на грани допуска, планомерная сборка уступила место спешке, контроль качества стал формальностью, которую можно обойти. Новые блоки М-3 по документам ничем не отличались от старых, но на деле были лишь бледными тенью своих предшественников. Они приходили в идеальной

упаковке, с новенькими наклейками и заводскими пломбами, но внутри них уже жила смерть с микротрещинами в кристаллах, недопаем на контактах с дешёвым сплавом, который не выдерживал перепада температур.

Экипажи кораблей знали это. Они видели, как старые, проверенные блоки работают годами без нареканий, а новые, только что установленные, отказывали через месяц, через неделю, через день. Замену делали лишь когда старый блок начинал сыпаться окончательно, когда аварийные сигналы кричали громче, чем любой приказ. И никто, никто не мог гарантировать, что новенький блок, только что извлечённый из заводской упаковки, окажется надёжнее того, что умирал в муках.

Это была лотерея — бесконечная, жестокая игра, в которой ставкой была жизнь. Русская рулетка, где вместо патрона — микротрещина в схеме, вместо пистолета — система жизнеобеспечения, а вместо выстрела — тишина, которая наступает, когда отказывает всё и сразу. Каждый новый блок М-3 был билетом в эту игру, и экипажи сжимали зубы, когда ставили его на место старого, изношенного, но такого родного, проверенного, который хотя бы знал, что он делает.

Всё это прикрывалось красивыми словами о надёжности, высоких стандартах и заботе об экипажах. Кайл знал правду. Все пилоты знали. Просто никто не говорил вслух. Потому что работа есть работа, и семью надо кормить, а если ты отказывался находился другой. Всегда найдётся тот, кто готов рискнуть ради денег.

Шли тысячелетия. Человечество вышло за пределы Солнечной системы, перекроило пространство по своей воле, научилось говорить со звёздами на языке гравитации. Империи рушились и возрождались, технологии устаревали быстрее, чем успевали получить имена, а люди оставались всё теми же. И сила денег, которая правила мирами, не изменила своей природы. Деньги требовали крови, и она лилась в цехах, в шахтах, на кораблях, затерянных в черноте. Только теперь смерть упаковывали в отчёты, придавали ей статистический вид, превращали в цифры на экране. Цифры, которые никто не пересчитывал. Жизни, которые никто не считал. Потому что в эпоху звёздных перелётов люди хоть и научились практически мгновенно перемещаться в космическом пространстве, но так и не научились ценить жизнь, которая горит так же ярко и гаснет так же тихо, как свеча на ветру.

Кайл сидел в кресле, обхватив голову руками, и слушал, как кровь стучит в висках. Лицо Номена медленно таяло в свете ламп приборной панели, но оставленный им след горел в груди. Холодный, острый, как заноза.

— Юпитер, — позвал Кайл.

— Я здесь, Кайл. — Отозвался Юпитер.

— Какова причина гибели корабля «Лунный беглец»? — Кайл поднял голову, и в глазах его больше не было усталости — только холодная, тяжёлая решимость. — Покажи мне все данные.

Тишина длилась ровно три секунды — Юпитер явно оценивал запрос.

— Это большой объём данных, Кайл. Около шестисот гигабайт текстовых файлов, видеозаписей и технической документации. Ты уверен, что хочешь погрузиться в это сейчас? Ты только что проснулся, твой организм...

— Юпитер, — перебил его Кайл, поднимаясь с кресла. — Я не просил твоего медицинского заключения. Я просил материалы.

Повисла пауза. А затем главный экран рубки засветился ровным голубым светом, и на нём начали появляться строки с файлами.

— Так, «Лунный беглец», — сказал Кайл задумчиво.

На экране развернулся полный отчёт о корабле. Технические характеристики, маршрут, состав экипажа, дата последнего техобслуживания... Кайл пробежал взглядом по строкам,

пока не нашёл то, что искал: номер модуля М-3, установленного на «Лунном беглеце» в последний рейс.

— 7-Б-143, — прочитал он вслух.

— Верно, — подтвердил Юпитер. — Этот модуль относился к партии 7-Б, выпущенной в 2346 году на заводе корпорации «Триумвират» — «Космос-Тех Индастриз». По внутренней документации корпорации, брак в этой партии составлял около семидесяти процентов. Официально заявлено, что блоки все в нормальном состоянии. Гибели кораблей происходили только в результате ошибок экипажей.

Кайл горько усмехнулся.

— Всё нормально, значит. Но они не рассчитывали, что кто-то сложит цифры вместе.

— Ставка сделана на то, что родственники погибших шум поднимать не будут из-за страховок, реальных расследований проводиться не будет, нужные люди получают то, что они хотят, а историю скоро забудут. — Голос Юпитера оставался ровным. — Завод, конечно, в каждом случае провёл внутреннее расследование, но его результаты были засекречены. Есть протокол совещания, на котором генеральный директор корпорации лично распорядился не раскрывать информацию о браке.

— Скрыть информацию, — Кайл почти выплюнул эти слова. — Это значит, что они знали причины катастроф, но ничего не предпринимали, только скрывали, а корабли продолжали летать с этими модулями и убивать людей.

— Да, — просто сказал Юпитер. — «Лунный беглец» был не первым кораблём, погибшим по этой причине.

Кайл потёр глаза.

— Покажи мне внутреннюю переписку по «Лунному беглецу», — попросил он. — Всё, что касается этого корабля.

Экран заполнился письмами. Короткие, деловые, безэмоциональные строки — люди обсуждали потери так, будто речь шла о бракованной партии консервов. Кайл читал и чувствовал, как внутри него нарастает глухая, тяжёлая злость.

«...Списать корабль. Выплатить компенсации семьям в стандартном размере. Рекомендую не привлекать внимание средств массовой информации...»

Кайл остановился на последнем письме. Оно было подписано самим директором.

«...Мы не можем позволить себе полностью уничтожить новые модули М-3 и заменить их на качественные. Это ударит по бюджету. Корабли, которые их используют, устарели. Проводить стандартные проверки. Если блоки не выдержат и погибнут корабли, выплачивать страховку. Экономически это более целесообразно...»

Он прочитал это три раза. На четвёртый его пальцы сжались в кулак, и он с силой ударил по панели управления.

— Скотина, — выдохнул он. — Все они скотины.

— Это рациональное решение с точки зрения бизнеса, — заметил Юпитер. — Я не одобряю его, но понимаю логику.

— Ты, машина, — огрызнулся Кайл. — Ты не можешь понимать логику, которая ставит деньги выше жизни.

Повисла тишина. Кайл глубоко дышал, пытаясь унять дрожь в руках. Слова Юпитера задели его, но он знал — искусственный интеллект не умеет чувствовать. Он просто анализирует.

— Ты хочешь что-то изменить? — спросил Юпитер, когда пауза затянулась.

— Для начала прибудем на станцию «Химера». Потом надо будет подумать, как опубликовать все эти сведения в «Галактических новостях», — задумчиво сказал Кайл. — Я накажу их.

— Кайл, вероятность навредить корпорации путём публикации этих материалов равна нулю, — невозмутимо ответил Юпитер. — Вероятность потери тобой работы, накоплений и всех льгот составляет сто процентов.

— Это разве не навредит «Триумвирату»?

— Все эти материалы были выложены на всеобщее обозрение. Кто их выложил, неизвестно. Всё, что тебе показано, я нашёл в информационной Гала-сети.

— Это плохо, Юпитер, это очень плохо.

— Кайл, я дал тебе информацию, которая оценивается как правдивая с высоким уровнем достоверности. Нужно найти того, кто опубликовал материалы. Совместно с ним ты можешь ужалить этого монстра насмерть.

Кайл промолчал.

Оставшееся до встречи с «Химерой» время тянулось вязкой, монотонной лентой. Кайл пытался найти спасение во сне, однако тревога, свернувшаяся клубком где-то в груди, не отпускала его, вырывая из дрёмы каждый раз, когда сознание начинало проваливаться в темноту. Зато «Странник» жил своей чёткой, механической жизнью. Корабль неуклонно следовал расчётному курсу, его двигатели пели ровную, низкочастотную песню, а системы жизнеобеспечения работали так тихо и слаженно, будто сама Вселенная благоволила этому пути.

За несколько часов до встречи с «Химерой» Кайл уселся в рубке. Он больше не смотрел на экраны, показания приборов, доверив это машине. Юпитер следил за ними с безжалостной точностью, и любое вмешательство человека было бы излишним. Кайл откинулся на спинку кресла и уставился в иллюминатор, туда, где мрак космоса казался почти осязаемым.

«Химера» появилась не сразу. Сначала, едва заметное пятнышко на фоне звёздного поля, настолько крошечное, что его можно было принять за далёкую звезду. Кайл следил за ней, как за прибрежным огоньком, и с каждым часом она росла, заполняя собой всё больше пространства.

На втором часу станция стала отчётливым диском, на третьем стал различим длинный центральный модуль, от которого веером расходились отсеки, похожие на щупальца. На четвёртом Кайл уже различал стыковочные порты, внешние фермы, контуры навесного оборудования.

Диспетчер вышел на связь, когда расстояние сократилось для начала маневров для стыковки. Голос был нежным, женским.

— «Химера» — «Страннику», передайте данные для стыковки.

Кайл продиктовал коды идентификации. На панели замигал зелёный сигнал разрешения на стыковку. Он взял управление в свои руки, повёл корабль к указанному посадочному узлу. Все движения были отработанными до автоматизма. Левый разворот, снижение, коррекция на стыковочный маяк.

Стыковка прошла идеально. Кайл услышал глухой удар, шум механизмов сцепления, шипение атмосферы, заполняющей переходной шлюз, а на экране читалось подтверждение о стыковке.

— Стыковка завершена, — произнёс диспетчер. — Системы корабля запитаны от станции. Вам объявлен двухдневный карантин, после которого Вы можете выйти на станцию, а сейчас отдыхайте.

Кайл не ответил. Он просто смотрел на панель, где горел ровный зелёный свет, и думал о том, что впервые за много дней может позволить себе дышать ровно и спокойно отоспаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.